

Д. И. Багалей, Д.П. Миллер

**История города Харькова за 250 лет его
существования**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. И. Багалей**
История города Харькова за 250 лет его существования: Том 2 / Д. И. Багалей, Д.П. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 977 с.

ISBN 978-5-458-39848-0

Фундаментальная история Харькова за 250 лет - уникальное явление в исторической литературе. Как отмечал Д. И. Багалей, "мы стремились написать такую историю Харькова, какой не имел ни один из городов Украины и России". В основе книги - история материальной и духовной культуры, быта, нравов. На основе архивных документов, статистических данных в книге изложена история городского самоуправления, превращения Харькова в крупный экономический центр, даны исчерпывающие сведения о развитии образования, науки, литературы, журналистики, театра, искусства, промышленности, ремесел, торговли. Писалась книга больше 10 лет и вышла в двух томах-фолиантах (1 том - в 1905 году, 2-й - в 1912 году).

ISBN 978-5-458-39848-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и мостокъ, и гать приходилось строить и починять довольно таки часто. А шалости были для озера легки потому, что оно отнюдь не было однимъ воиномъ въ полѣ. Екатеринославское озеро было только однимъ изъ цѣпи озеръ, которыми въ то время изобиловала залопанская сторона. Главнымъ резервуаромъ было, повидимому, озеро у подошвы Лысой горы, питавшееся потоками снѣговой и дождевой воды, лившимися съ горы. Отсюда шель протокъ на Довгалевку, гдѣ было другое озеро, такъ-же очень обширное и такъ-же обязанное своимъ многоводiemъ Холодной горѣ. Дальше протокъ направлялся на сѣверъ, пересѣкаль нынѣшнюю Жандармскую площадь и Конторскую улицу и въ кварталѣ между Дмитріевской ул. и Ярославскимъ переулкомъ образовывалъ новое озеро, изъ которого выходилъ новый протокъ, соединявшій его съ озеромъ на Екатеринославской „перспективѣ“. Озеро было окружено обывательскими дворами, такъ что благодаря ему здѣсь образовывалась какъ бы небольшая площадь. Озеро составляло предметъ особеннаго вниманія харьковскихъ градоправителей, заботившихся о его сокращеніи и обсадкѣ деревьями взамѣнъ лозинка и камышей, которыми окружила его мать-природа. Лучшимъ зданіемъ Екатеринославской „перспективы“ была каменная казенная аптека съ лабораторіей и чай то частный домъ, тоже каменный. По правому берегу р. Харькова шла Рождественская (нынѣшняя Конторская) улица. До проложенія Екатеринославской этой улицею приходилось проѣзжать всякому, кто попадалъ въ городъ со стороны Холодной горы. При вѣтѣ въ нее возлѣ пустыря, отдѣлявшаго городъ отъ Довгалевки, надъ рѣкой, были расположены въ деревянныхъ домахъ заведенія приказа общественнаго призрѣнія съ обширной сѣнокосной левадой. Улица была разрегулирована по плану только до пересѣченія съ Ярославской, остальная же часть ея оставалась въ первобытномъ видѣ. По плану съ Рождественской къ рѣкѣ должны были вести три переулка, въ дѣйствительности же ихъ было пять, и всѣ они отличались крайнею узкостью. Тамъ, гдѣ Харьковъ и Лопань сливаются въ одну рѣку, шель съ Рождественской улицы переулокъ, ведшій къ торговымъ банимъ, расположеннымъ на берегу. На площади около Рождественской церкви, стоявшей, кстати сказать, въ то время отдѣльно отъ своей колокольни, съ западной стороны находился каменный домъ, въ которомъ помѣщался приказъ общественнаго призрѣнія, съ восточной—одинъ изъ домовъ аптеки того же приказа, а съ южной—каменный частный домъ, принадлежавшій, кажется, Топчіеву. Послѣднимъ каменнымъ домомъ на Рождественской по лѣвой ея сторону, если идти къ рѣкѣ, былъ каменный домъ приказа общественнаго призрѣнія, занятый въ настоящее время службами Южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Конторского моста не существовало.

Нынѣшняя Благовѣщенская, разрегулированная по плану только до пересѣченія съ Дмитріевской, вся сплошь была застроена деревянными домами за исключеніемъ углового дома съ лѣвой стороны улицы у пересѣченія ея Дмитріевскою. Коцарская была расположена по плану только до пересѣченія съ Дмитріевской. На Чеботарской, какъ особенность, нынѣ не существующую, отмѣчаемъ небольшую площадь въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается Большая-Панасовская улица. Происхожденіемъ своимъ площадь обязана была озеру, вѣриѣ никогда не высыхавшей здѣсь лужѣ, образуемой весеннею и дождевою водою, стремившейся сюда съ Лысой горы и окрестной, болѣе возвышенной мѣстности. Чеботарская, какъ и сосѣдня съ нею Большая-Панасовская, была совсѣмъ не разрегулирована и въ конечной своей части значительно уклонялась вправо отъ нынѣшняго ея направлениія. По направлению Большой-Панасовской и тогда шла улица, доходившая до Лопани и перерѣзываемая двумя переулками, выходившими съ одной стороны къ Лопани, а съ другой—къ пустырю, которымъ и заканчивался въ этомъ мѣстѣ городъ. На Благовѣщенской площади стояла каменная церковь, только въ наши дни замѣненная новымъ, болѣе обширнымъ храмомъ. Площадь нынѣшняго Благовѣщенскаго базара представляла въ то время обширный островъ, образуемый двумя протоками Лопани, расходившимися у нынѣшняго Бурсацкаго моста и вновь соединившимися въ одно русло у нынѣшняго Рѣзниковскаго переулка. Площадь между Благовѣщенской церковью и Бурсацкимъ мостомъ, гдѣ теперь Сузdalский рядъ и деревянныя лавки торговцевъ готовыемъ платьемъ и обувью, на планѣ 1802 г. показана занятой обывательскими дворами.

Залопанская часть соединялась съ центромъ города такъ называемымъ „Каменнымъ“ мостомъ. Дѣйствительно каменнымъ мостъ былъ очень не долго и очень давно, еще въ Чертковскія времена. Къ началу XIX ст. отъ каменного сооруженія уцѣлѣло только очень не многое, части кое какихъ сводовъ, такъ что каменнымъ онъ могъ называться больше по памяти, чѣмъ по материалу. Мостъ былъ не широкъ, всего

въ 4 саж., но зато длиннѣе нынѣшняго—въ 34 саж.: рѣка Лопань въ тѣ годы разливалась въ этомъ мѣстѣ гораздо шире, чѣмъ теперь.

Переѣхавъ мостъ, кстати сказать, иногда съ большимъ трудомъ, такъ какъ повреждался онъ послѣ каждого половодья, а чинили очень неисправно, пріѣзжій попадалъ на базарную площадь. На нынѣшней Сергіевской площади, ниже Университетской горки, по тогдашнему вала, разбросаны были мелочныя лавки, помѣщавшіяся въ „коморахъ“, балаганахъ и шалашахъ, а противъ нихъ, по берегу Лопани, тянулись деревянныя харчевни. Здѣсь было вѣчное „багно“, невылазная грязь въ перемѣшку съ навозомъ и соломой отъ останавливающихся подводъ деревенскихъ обывателей, пріѣзжавшихъ въ городъ „базарувати“. Базарная площадь была гораздо шире нынѣшней Сергіевской, потому что все пространство, занятое теперь Сергіевскимъ и Московскими рядами, было незастроено. Въ концѣ нынѣшняго Сергіевского ряда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь оптовая торговля Морозова, планъ 1802 г., отмѣчаетъ квадратное зданіе, назначеніе которого не извѣстно. Другое такое же зданіе, но меньшихъ размѣровъ, видимъ на мѣстѣ нынѣшней Большой Московской гостиницы. Это былъ участокъ, принадлежавшій наслѣдникамъ Пашкова, харьковскаго губернатора Екатерининскаго времени, а затѣмъ перешедшій въ собственность Павловыхъ. За усадьбой Пашкова, тамъ, гдѣ теперь начинается Клочковская, была совершенно незастроенная мѣстность, ибо здѣсь на лѣвомъ берегу Лопани ни одного двора еще не существовало.

Подъ Университетской горкой, по тогдашнему—валомъ, на мѣстѣ нынѣшняго Шубнаго ряда, стояла „каменная галлерея“, построенная еще въ Екатерининскія времена. Здѣсь велся мелочной торгъ. Торговали, впрочемъ, и горячимъ виномъ. Въ 1805 г. это непрочное сооруженіе обрушилось до основанія, при чѣмъ уничтожено было 12 лавокъ. Въ виду ветхости остальныхъ, губернаторъ приказалъ разрушить и ихъ.

Центръ базара сосредоточивался, однако, не на Сергіевской, а на нынѣшней Торговой, по тогдашнему Народной площади. На проѣздѣ, соединяющемъ Сергіевскую площадь съ Торговой, высились большая круглая каменная башня, уцѣлѣвшая отъ тѣхъ временъ, когда Харьковъ былъ еще крѣпостью. Въ началѣ XIX в., грозное сооруженіе совершенно уже утратило свой военный характеръ; въ верхнемъ этажѣ башни помѣщалась цирюльня, а въ нижнемъ—харчевня и лавки купца Алаторцева. Торговая площадь была гораздо больше нынѣшней, потому что не было еще застроенъ кварталъ, занятый теперь „Grand Hotel'емъ“, такъ что западной своей стороной площадь упиралась непосредственно въ рѣку. Украшеніемъ площади являлся уцѣлѣвшій и по днѣсъ „каменный столъ“ съ двуглавымъ орломъ. Для тогдашнихъ харьковцевъ съ „каменнымъ столбомъ“ связывались, впрочемъ, впечатлѣнія далеко не пріятныя. Въ базарные дни отсюда слышались дикіе вопли и стоны: то шла „торговая казнь“, били кнутомъ, сѣкли розгами, вырѣзывали ноздри... Вдоль площади, ниже старыхъ укрѣплений, тянулись торговые ряды. Здѣсь шла главнымъ образомъ торговля желѣзомъ въ лавкахъ Алаторцева, Тамбовцева, Долгополова, Кувшинникова и др. Ряды шли вдоль всей площади, затѣмъ поворачивали, какъ и теперь, къ сѣверу и оканчивались возлѣ нынѣшняго магазина г. Северина. Судя по плану 1802 г., всѣ они были каменные. Каменными же, повидимому, были дома и ряды на противоположной сторонѣ Народной площади, гдѣ теперь аптека Ланина, городской банкъ и Сундучный рядъ.

Къ центру города вели трое „вѣзжихъ воротъ“, остатки старыхъ крѣпостныхъ сооруженій. Одни находились въ томъ мѣстѣ Университетской улицы, гдѣ теперь мѣщанская управа и бывшее зданіе терапевтической клиники, занятое теперь квартирами университетскихъ чиновниковъ. Другія находились въ нынѣшнемъ Шляпномъ переулкѣ, гдѣ магазинъ Северина и городской домъ. Гдѣ находились третьи, не знаемъ. На планѣ 1802 г. ихъ не видно, но о нихъ упоминается въ „подлинныхъ приговорахъ“ Думы за этотъ же годъ. Вѣзда къ центру города черезъ Горяиновскій переулокъ въ то время еще не было, ибо и самого переулка не существовало. Это было усадебное мѣсто, принадлежащее помѣщикамъ Анадольскимъ, потомкамъ грека Юрия Анадольскаго, о которомъ намъ приходилось вспоминать въ первой части этой книги. Отъ Анадольскихъ усадьба эта перешла потомъ покупкой къ купчихѣ Горяиновой¹), давшей свое имя и переулку, проложенному по ея землѣ. Отъ укрѣплений, окружавшихъ городской центръ, уцѣлѣли кое гдѣ только полуразрушенные остатки. Тыны и валы, окружавшіе его съ южной и восточной сторонѣ, съ каждымъ годомъ разрушались и обсыпались. Подъ крѣпостными тынами ютились теперь торговые заведенія.

¹) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г.

Лучшимъ зданіемъ городского центра былъ губернаторскій дворецъ, выстроенный еще Щербининъ. Главный корпусъ зданія уѣхѣлъ почти въ неприкосновенности и до нынѣшняго времени. Выше и ниже „дворца“ шли одноэтажные деревянные флигеля. Нижній флигель, гдѣ теперь этнографическій музей, образовывалъ „глаголь“, одна часть котораго шла по улицѣ, другая заворачивала къ западу. Между этимъ флигелемъ и расположеннымъ ниже его торговыми рядами былъ свободный проѣздъ на городской валъ, нынѣшнюю горку. Другой, верхній флигель, гдѣ теперь аудиторіи, представлялъ такой же „глаголь“, западная часть котораго не шла, впрочемъ, дальше зданія присутственныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ теперь химическая лабораторія, шла каменная ограда. На валѣ усадьба „дворца“ выходила только оградой, у сѣверного и южного концовъ которой стояли круглые башенки. Напротивъ дворца, тамъ, гдѣ теперь квартира университетскаго экзекутора, стоялъ домъ вице-губернатора. Между нимъ и лежавшими пониже его торговыми рядами былъ свободный проѣздъ. Огромнаго дома, гдѣ теперь квартиры университетскихъ служащихъ, совсѣмъ не существовало. Тамъ, гдѣ теперь университетская библиотека, стоялъ домъ полиціи, а гдѣ канцелярія попечителя учебнаго округа,—губернское правленіе и магистратъ. Передъ соборомъ, отдѣльно отъ него, высились каменная колокольня, вокругъ которой, равно какъ и вокругъ самого собора, шли мелкія лавченки и шалаші, доставлявшія церкви „не скучный“ доходъ. Такія же лавченки и шалаші ютились и по соборной площади передъ огромнымъ недостроеннымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Зданіе это, начатое постройкой еще въ Екатерининское время, долго стояло недоконченнымъ, прикрытое лубомъ, который, впрочемъ, никакъ не защищалъ его отъ сырости и дождей. Окончательно достроены присутственныя мѣста были только въ 1805 г. Гостинный дворъ помѣщался тамъ же, гдѣ и теперь, только въ то время былъ онъ въ одинъ этажъ. Торговали здѣсь главнымъ образомъ „панскими“ товарами, но здѣсь же помѣщался и трактиръ. Вокругъ гостиннаго двора ютились шалаші и подтапки, въ которыхъ сосредоточивалась ярмарочная торговля. „Ташовались“ въ это время не только прѣзжіе, но и мѣстные купцы, имѣвшіе свои постоянныя лавки въ томъ же гостинномъ дворѣ: таковъ былъ обычай. Дальше по Монастырскому переулку, на мѣстѣ нынѣшняго Сузdalльскаго ряда, стояли сооруженія бывшей банковой конторы, доставшіяся послѣ упраздненія банка купцу Карпову. Здѣсь же находились и старыя деревянныя зданія присутственныхъ мѣстъ, купленныя въ 1805 г., послѣ перехода присутственныхъ мѣстъ указаны возлѣ нынѣшняго Сузdalльскаго ряда Пашенко-Тряпкина. Здѣсь помѣщались въ первыя годы XIX ст. палаты уголовная и гражданская и уѣздный судъ. Тамъ, гдѣ теперь пожарный дворъ второй части, была каменная денежная кладовая. Лѣвая сторона верхней части Университетской улицы (если идти отъ собора) начиналась каменными рядами, принадлежавшими Карпову. По Университетской улицѣ они тянулись до монастырской „вѣзвѣдной каменной брамы“ (воротъ), а по Купеческому спуску доходили до нынѣшняго желѣзного моста. Усадьба монастыря занимала тоже пространство, что и теперь. Входили въ нее черезъ „каменную браму“, надъ которой помѣщалась коллегіумская библиотека. Монастырская церковь была въ то время кафедральнымъ соборомъ. Рядомъ съ нею стоялъ деревянный небольшой архіерейскій домъ, а нѣсколько дальше—каменное зданіе коллегіума. Сзади коллегіума, по направлению къ Бурсацкому спуску, шли деревянныя службы архіерейскаго дома. Три деревянныхъ зданія, кромѣ того, выходили фасадомъ на Университетскую улицу, и одно каменное находилось внутри монастырскаго двора. Тамъ, гдѣ теперь духовное училище, помѣщалась „бурса“ (коллегіумское общежитіе), размѣры которой были, впрочемъ, много поменьше нынѣшнихъ.

При выходѣ изъ центра города, въ нынѣшнемъ Шляпномъ переулкѣ, ютилась масса мелкихъ лавченокъ и навѣсомъ съ желѣзомъ, свѣчами, саломъ и всякимъ „дрибязкомъ“. Здѣсь у полуразрушенного тына старой крѣпости и „вѣзвѣжихъ“ воротъ шла оживленная торговля чернымъ товаромъ.

За „вѣзвѣжими воротами“ простидалась обширная Никольская площадь, служившая зимою, въ неярмарочное время, излюбленнымъ мѣстомъ катанія городскихъ обывателей, а въ ярмарочное—превращавшаяся въ пунктъ оживленной торговли жизни и вся застраивавшаяся деревянными, на скорую руку сколоченными, лавками и балаганами. По обѣимъ сторонамъ площади, до самой Никольской церкви, располагались лавки и погреба, въ которыхъ шла постоянная торговля. На мѣстѣ нынѣшняго обширнаго храма стояла памятная еще многимъ харьковцамъ старинная Николаевская церковь, а отдѣльно отъ

нея, на площади,—колокольня. Возлѣ церкви помѣщались городскіе „терезы“ (вѣсы), составлявшіе замѣтную статью дохода въ бѣдномъ городскомъ бюджетѣ того времени. Около церкви же находился и „братьскій“ домъ, отдававшійся въ аренду на ярмарочное время. Въ ярмарку напр. 1804 г. тутъ жили торговцы-евреи ¹⁾). На площади же находился и городской колодецъ подъ навѣсомъ на каменныхъ столбахъ, вырытый, судя по думскимъ журналамъ, въ 1803 г. До 1805 г. обыватели брали воду изъ него непосредственно „пебрами“, но въ 1805 г., прельстившись пріемѣромъ часоваго мастера, иностранца Рейнике?, устроившаго у себя во дворѣ колодецъ съ насосомъ, харьковцы и сами пожелали имѣть насосъ въ своемъ городскомъ колодцѣ. Колодецъ съ насосомъ и навѣсомъ былъ своего рода украшеніемъ площади. Здѣсь же, не далеко отъ колодца, стоялъ балаганъ, носившій громкое название театра. Принадлежалъ онъ надв. совѣти. Шредеру. Въ 1808 г. онъ былъ уничтоженъ, потому что Шредеръ, какъ это видно изъ сообщенія губернатора Бахтина думѣ, предположилъ устроить для продолженія театральныхъ зрѣлищъ зимою теплый балаганъ ²⁾). Изъ домовъ видныхъ харьковскихъ обывателей, выходившихъ на площадь, отмѣчаемъ дома наследниковъ протоіеряя Шванскаго, купца Тамбовцева, нотаріуса Мины Кушинникова, Мухина (гдѣ Астраханская гостинница). Нѣсколько домовъ было каменныхъ: Мухина, небольшой домъ дворянскаго собранія и слѣдующій за нимъ чей то частный домъ да два каменныхъ дома въ восточной части площади.

Что такое представляли собою нынѣшняя Театральная площадь и Сумская улица, обѣ этомъ узнаемъ изъ воспоминаній Успенскаго (сына проф. Г. П. Успенскаго), у котораго былъ домъ на Театральной, противъ острога. „Этотъ пунктъ—рассказываетъ Успенскій—былъ краемъ города съ сѣвера, хотя на этой же безлюдной площади уныло стоялъ придавленный временемъ деревянный домъ губернатора Бахтина. Острогъ бытъ обнесенъ заостренными стоячими бревнами и чернымъ пугаломъ глядѣть въ наши окна... За острогомъ тотчасъ начинались ямы бывшихъ кирпичныхъ сараевъ и ужасныя ямы острожныхъ нечистотъ; за ними печально лежало оставленное лютеранско кладбище съ сосѣднею русской церковью Женѣ Мироносицѣ и разстилалась безконечная пустошь... Остробревенчатый заборъ съ унылымъ крикомъ часовыхъ и бряканьемъ кандаловъ, деревянный, огромный, нелѣпѣшаго вида театръ со всегдашимъ опасеніемъ пожара въ немъ—все это наводило тоску и страхъ“ ³⁾). Если такой непрезентабельной была эта мѣстность во второе десятилѣтіе XIX в., къ которому и относятся воспоминанія Успенскаго, то въ первые годы столѣтія она была еще неказистѣе. Обстроена она была еще меньше. Такъ напр. театра (на мѣстѣ нынѣшняго дѣтскаго пріюта) и совсѣмъ не существовало. Къ описанію, сдѣланному Успенскимъ, можно добавить только чмногое. Домъ губернатора Бахтина принадлежалъ не Бахтину, а городу, который купилъ этотъ домъ въ оны дни у Мордвинова. Бахтинъ переселился сюда только послѣ занятія губернаторскаго дома университетомъ. Впрочемъ и раньше Бахтина здѣсь жили губернаторы, напр. Зильбергарнішъ ⁴⁾). Это тогъ самый домъ, на мѣстѣ котораго теперь зданіе первой женской гимназіи. Позади острога, описанаго Успенскимъ, стояли двѣ каменные круглые башни, въ которыхъ въ концѣ XVIII и въ начаѣ XIX ст. помѣщались сумасшедшии и смирительный дома. Здѣсь же, на Театральной, были и казенные соляные магазины (пріемѣро тамъ, гдѣ теперѣ домъ Рубинштейна) и каменный провіантскій магазинъ, уѣхавшій и до днѣсъ. По Сумской шелъ рядъ амбаровъ, въ которыхъ производилась торговля сѣномъ и дегтемъ ⁵⁾). Противъ Мироносицкой церкви стояли кирпичные сараи, принадлежавшіе приказу общественнаго призрѣнія. За церковью находился венерический лазаретъ, а вся нынѣшняя Мироносицкая площадь съ прилегающими къ ней, нынѣ застроенными, кварталами была кладбищемъ. Кладбище было упразднено въ 1803 г., но въ дѣйствительности хоронили покойниковъ здѣсь еще очень долго. Мѣстность, прилегающая къ кладбищу, теперешнія Пушкинская, Чернышевская и др., оставалась незаселенной. Здѣсь было то самое лютеранско кладбище, о которомъ упоминаетъ Успенскій. Первые поселенія здѣсь явились не раньше 1806 г., когда было постановлено думой отвести здѣсь мѣсто для десяти иностранцевъ, призванныхъ въ Харьковъ послѣ открытия въ немъ университета ⁶⁾.

¹⁾ Арх. Гор. Думы. Подл. пригов. 1804 г.

²⁾ Тамъ-же. Подл. пригов. 1808 г.

³⁾ Багалай. Опытъ исторіи Харьк. унів. Т. I, стр. 843—844.

⁴⁾ Архивъ Городск. Думы. Подл. пригов. 1802 г.

⁵⁾ Тамъ-же. Вход. 1809 г.

⁶⁾ Тамъ-же. Подл. пригов. 1806 г.

По восточному спуску возвышенности, занимаемой центромъ города, до рѣки, а затѣмъ до Михайловской площади и далѣе по Немышлянской слободѣ до выѣзда изъ города шла Московская дорога, нынѣшняя Московская и Старо-Московская улицы. Нижняя часть Московской, ниже теперешняго Петровского переулка, отличалась болотистостью. Въ кварталѣ между Московской, Слесарнымъ пер. и Николаевской улицей лежало озеро; другое озеро находилось въ кварталѣ между Московской, Петровскимъ переулкомъ и Рыбной, третье—въ самомъ концѣ нынѣшней Рыбной, съ правой ея стороны, почти у рѣки, гдѣ теперь магазины Иванова и Фадѣчева. Наконецъ, въ той же прибрежной мѣстности, на Мѣщанской, лежало четвертое озеро, жалкіе остатки котораго и до сихъ поръ сохранились въ саду „Баварія“.

Тогдашняя Московская красотою зданій отнюдь не отличалась. Изъ примѣчательныхъ сооруженій здѣсь отмѣчаемъ „братскій домъ“ Успенскаго собора на углу Московской и Николаевской площади, гдѣ теперь высится громадный многоэтажный и многодоходный домъ. Это была простая одноэтажная хата, не многимъ побольше обыкновенныхъ жилыхъ хатъ. На правой сторонѣ улицы (если идти къ мосту) стоялъ городской домъ, купленный когда то у Чайковскаго. Огромная усадьба, выходившая на Московскую, Петровскій переулокъ и Николаевскую улицу, гдѣ теперь дома университета и общественной библіотеки, принадлежала главному народному училищу. Впослѣдствіи здѣсь были помѣщены гимназія и уѣздное училище. Угловой домъ этой усадьбы, выходящей на Московскую, гдѣ долго помѣщался оптический магазинъ г. Эдельберга, и до нашихъ дней сохранилъ название „дома старой гимназіи“.

Рыбная или, какъ ее тогда называли, Сѣнная были еще поплоше Московской. Лучшимъ ея зданіемъ была каменная Троицкая церковь, но и она не имѣла надлежащаго вида, ибо была окружена со всѣхъ сторонъ обывательскими домами. На Кузнечной, какъ и теперь, расположены были кузницы. На Мѣщанской въ верхней ея части съ лѣвой стороны было нѣсколько частныхъ каменныхъ домовъ, а въ концѣ улицы, возлѣ рѣки, тамъ, гдѣ теперь заводъ, шли кузницы. По берегу рѣки, между Мѣщанской и Черноглазовской, тамъ, гдѣ теперь Малый театръ, стояла деревянная пивоварія. Весь правый берегъ рѣки Харькова между нынѣшними Харьковскимъ и Кузнечнымъ мостами былъ мѣстностью болотистой. Здѣсь вода, застаивавшаяся въ обывательскихъ дворахъ, „производила великий смрадъ, вредный для жизни“, отъ котораго и по улицамъ невозможно было пройти¹). Тамъ, гдѣ теперь номерная бани Карагина и военный складъ, рѣка Харьковъ образовывала длинную косу, расширявшуюся къ нынѣшнему Кузнечному мосту и съживавшуюся къ Харьковскому, гдѣ коса соединялась съ материкомъ. Нынѣшній Кузнечный переулокъ былъ въ то время русломъ протока рѣки Харькова, впослѣдствіи обмелѣвшимъ.

Черезъ Харьковъ перекинутъ былъ мостъ длиною въ 61 и шириной въ 6 саж. По описанію г. Устинова, онъ былъ каменный и выстроенъ въ 1785 г. Документы говорятъ другое: они говорятъ, что каменнымъ его только предполагали сдѣлать, но такъ и не сдѣлали, повидимому, въ виду неудачи, постигшей каменный Лопанскій мостъ. Другимъ средствомъ сообщенія города съ захарьковской частью служила такъ называемая Барабашевская гребля, расположенная тамъ, гдѣ теперь Кузнечный мостъ. Возлѣ гребли была мельница. Здѣсь Харьковъ разливался очень широко и образовывалъ два острова, изъ нихъ одинъ, по которому проходила гребля, былъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Не мѣшаетъ кстати упомянуть, что на рѣкѣ Харьковѣ въ то время было цѣлыхъ четыре гребли: одна за городомъ, въ мѣстности, гдѣ теперь мельница Молдавскаго,—Сомовская гребля, другая—Барабашевская, третья—Буксгевденъ (Нетечинскій мостъ), четвертая—Квиткинская, тоже за городомъ.

За Харьковскимъ мостомъ съ правой стороны, гдѣ теперь зданіе первой гимназіи, помѣщался казенный почтовый дворъ. Каменное зданіе „почтамта“ выходило на набережную, а на нынѣшнюю Старо-Московскую выходилъ деревянный домъ, принадлежавшій тому же „почтамту“. Прямо по „Московской дорогѣ“ шелъ дегтирный рядъ, а налѣво отъ моста, по нынѣшней Дворянской набережной, помѣщались торговыя бани²). На Дворянской улицѣ, тамъ, гдѣ теперь дѣтская больница, находился домъ, принадлежавшій городу. Изъ частныхъ домовъ этой мѣстности особенно былъ въ то время извѣстенъ домъ священника Вознесенской церкви о. Василія Фотіева, содержавшаго пансионъ. Впослѣдствіи, когда въ Харьковѣ открылось Общество благотворенія, первый пріютъ для него нашелся въ домѣ Фотіева. Домъ Фо-

¹) Арх. Гор. Думы. Подл. пригов. 1808 г.

²) Тамъ-же. Подл. приг. 1802 г.

тіева, по указанію Н. Ю. Квитки, находился противъ домъ помѣщика Задонскаго, т. е. нынѣшнихъ бывъ Гладкова, тамъ, гдѣ теперь вторая женская гимназія и домъ г. Власовскаго. Фотіевъ жилъ уже при концѣ города. Лалѣ тянулась обширная площадь, на двухъ концахъ которой стояли деревянная Вознесенская и каменная Михайловская церкви. Тамъ, гдѣ теперь часовня Хорошевскаго монастыря, стояли каменные „обелиски“, которыми обозначался конецъ города. Площадь была много длине нынѣшней, такъ какъ доходила до самой рѣки: усадьбъ между нынѣшнимъ Вознесенскимъ скверомъ и рѣкой въ то время еще не существовало.

За площадью начиналась уже слобода Захарьковская или Немышлянская, по которой проходили „дороги“ Московская (Старо-Московская), Зміевская и Таганрогская (Петинская). Эта безводная въ настоящее время часть города перерѣзывалась въ то время какимъ то протокомъ, черезъ который въ мость. Здѣсь же лежало и обширное Попово озеро, беспокоившее обывателей своимъ зловоніемъ. Остатки озера и теперь сохранились. Захарьковская или Немышлянская слобода была самой обширной изъ подгородныхъ слободъ. По свѣдѣніямъ 1809 г. здѣсь было 545 домовъ. Тянулась она до нынѣшней Конной площади, которая въ то время была еще просто выгономъ и нынѣшняго своего названія не имѣла. Въ томъ мѣстѣ выгона, гдѣ теперь Конный базаръ, стояли кирпичные заводы. Другіе кирпичные заводы расположены были по нынѣшней Молочной, тамъ, гдѣ она пересѣкаетъ Петинскую (по тогданиему Таганрогскую). По Зміевской, тамъ, гдѣ теперь Водопьяновскія казармы, стоялъ частный каменный домъ съ обширнымъ садомъ, а сама Зміевская доходила только до того пункта, гдѣ она теперь поворачиваетъ къ востоку. Заиковка существовала, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Здѣсь въ то время было всего 97 домовъ¹⁾.

Южная часть города, за рѣкой Харьковомъ (Занетчинская сторона) была почти совсѣмъ не заселена. Населеніе сосредоточивалось главнымъ образомъ около Воскресенской церкви. Площадь около церкви была очень слабо обстроена. На планѣ 1802 г. мы видимъ здѣсь только одинъ каменный домъ, примѣрно тамъ, гдѣ теперь единовѣрческая церковь. На Нетечинской набережной помѣщались мясные ряды и салотопни, а нѣсколько южнѣе—бойни. За Воскресенской церковью поселенія шли не далѣе, какъ на одинъ кварталъ: къ югу—до пересѣченія Грековской съ Ващенковскимъ переулкомъ, къ западу—до болота, образуемаго старымъ протокомъ рѣки Харькова, лежащаго между Воскресенской улицей и Москалевкой, а къ востоку—до Престольного переулка. Нетечинской, нынѣ соединяющей Воскресенскій приходъ съ Михайловскимъ, совсѣмъ еще не существовало. Здѣсь и на прилегавшей къ этой мѣстности левадѣ шелъ, образуя рядъ озеръ и болотъ, протокъ, составлявшій старое русло Харькова. Протокъ начинался отъ рѣки нѣсколько выше нынѣшняго Подольского моста, проходилъ черезъ нынѣшнюю Нетечинскую, затѣмъ по Сѣдельниковскому переулку, далѣе поворачивалъ на западъ, проходилъ черезъ озера на Гордѣнковой левадѣ подъ нынѣшними Водопьяновскими казармами, черезъ Нетечинскій бульваръ и довольно широкимъ русломъ вливался въ рѣку Харьковъ какъ разъ у мѣста сліянія его съ Лопанью. Остаткомъ этого русла и теперь остался жалкій и зловонный протокъ, впадающій въ рѣку ниже нынѣшняго Коннаго моста. Вся эта мѣстность носила названіе Занетечи и соединялась съ центромъ города плотиной, принадлежавшей полковнику Буксгевдену. Плотина была очень ветхой и являлась не рѣдко причиной несчастныхъ случаевъ съ проѣзжающими. Въ виду этого уже съ 1802 г. Дума стала дѣлать предположенія о покупкѣ плотины и замѣнѣ ея прочнымъ мостомъ. Плотина лежала нѣсколько ниже нынѣшняго моста. По другую ея сторону, тамъ, гдѣ теперь гостинница „Рига“, были торговые бани. Пройдя затѣмъ еще нѣсколько домовъ, проходій попадалъ къ Каменному столбу, на Народную площадь.

Какъ назывались въ то время улицы, о которыхъ мы только что вели рѣчь? Понидомому, никакихъ устойчивыхъ названій имѣть въ то время не было. Даже въ крѣпостныхъ актахъ, документахъ официальныхъ, обѣ улицахъ не было помину. Мѣсто, въ которомъ расположена данная усадьба, называлось либо по приходу, либо по другимъ признакамъ (мѣсто въ крѣпости, на Подолѣ, въ такой то слободѣ, или просто смѣжно съ такимъ то и такимъ то), но не по улицамъ. Прочно установившихся названій улицъ не было. Были только „дороги“: та, что вела въ Екатеринославъ, называлась Екатеринославскою или

¹⁾ Архивъ Губ. Правл. 1809 г. № 1732.

Новороссійскою, или иначе Полтавскою, въ Москву—Московскою, въ Зміємъ—Зміевскою, въ Деркачи—Деркачевскою и т. п. Для тѣхъ же улицъ, которая не были дорогами, опредѣленныхъ названій не было. Первую попытку закрѣпить за улицами тѣ или другія названія видимъ со стороны губернатора Бахтина. Въ декабрѣ 1804 г. онъ писалъ городской думѣ: „Усмотрѣвъ, что большая часть улицъ въ г. Харьковѣ неизвѣстна жителямъ онаго по наименованіямъ, имъ даннымъ, а различаются только по какимъ нибудь примѣтамъ или домамъ обывателей, имѣющихъ въ нихъ жительство, призналь я нужнымъ и до благоустройства относящимся, чтобы точные названія улицъ извѣстны были какъ жителямъ, такъ и пріѣзжающимъ. Вслѣдствіе чего препровождая въ оную думу выписку, представленную мнѣ по приказанію моему здѣшнимъ г. губернскимъ землемѣромъ, описанныхъ улицъ съ показаніемъ положенія ихъ и гдѣ должны быть поставлены столбы, на коихъ бы означены были названія для улицъ, предлагаю думѣ сдѣлать пріемѣрную сѣтку, во что должны обойтись помянутые столбы, кои должны быть съ желѣзными листами, выкрашенными приличною краскою и вышиною отъ земли 2 арш. съ четвертью“ ¹⁾). Слѣдуетъ добавить, что большая часть улицъ была совсѣмъ не разрегулирована по плану, несмотря на то, что этимъ занимались харьковские градоправители еще со времени Щербина.

Городъ испещренъ былъ садами не только на окраинахъ, но и внутри и въ лѣтніе времена издали представлялъ, по отзыву современниковъ, „рѣдкую картину“. На Грековской былъ огромный садъ Черкасова; къ нему примыкали сады другихъ обывателей, шедшіе почти до р. Харькова, гдѣ теперь Нетечинская улица. По берегу р. Харькова, гдѣ теперь фабрика Ильина, тянулись сплошные сады обывателей, а нѣсколько южнѣе садъ помѣщика Квитки. На нынѣшней Клочковской—садъ кн. Кантемира, возлѣ вынѣшней Каплуновской церкви—садъ Куликовскаго. При впаденіи р. Немышли въ Харьковъ, находился садъ Горленскаго ²⁾.

Чтобы покончить съ описаніемъ расположенія города въ первое десятилѣтіе XIX в., слѣдуетъ упомянуть о заставахъ, расположенныхъ при вѣздахъ въ городъ. Дѣло въ томъ, что въ городѣ винная торговля была на откупу, а въ ближайшихъ къ городу селахъ вино продавалось вольною цѣнною. Въ пьесахъ Квитки есть упоминаніе о томъ, какъ харьковцы ходили изъ города „на вільну“. И вотъ, чтобы предупредить проносъ и провозъ въ городъ „вільної“, подрывавшей доходы откупщиковъ, на вѣздахъ въ городъ установлены были заставы, при проходѣ черезъ которыхъ обыватели подвергались обыску со стороны откупныхъ кордонщиковъ. По указу губернского правленія отъ 10 сентября 1804 г. такихъ заставъ установлено было десять. Въ 1807 г., въ силу сенатскаго указа, губернаторъ Бахтинъвелѣлъ перекопать „ненужные“ вѣзды въ городъ, а на остальныхъ поставить десятскихъ, для которыхъ сдѣлать будки. Судя по числу будокъ, нужно заключить, что такихъ заставъ было 14. У И. А. Устинова заставъ показано 15. Первая находилась близь Холодной горы на Екатеринославской дорогѣ, вторая—Крамаренковская, третья—на Бѣлгородской улицѣ, четвертая—на Песковской, пятая—на Ковригиной, шестая—возлѣ новаго кладбища, седьмая—возлѣ старого кладбища, восьмая—возлѣ Лысой горы, девятая—на Гончаровкѣ, десятая—близь сада Квитки подъ Холодной горой, одиннадцатая—на Основѣ, двѣнадцатая—на Афанасовкѣ, тринадцатая—на Младзирской заставѣ, четырнадцатая—на Драгомировской заставѣ и пятнадцатая—по Сумской дорогѣ ³⁾). Такъ какъ, несмотря на караульщиковъ, обыватели, не желавши подвергаться осмотру, умудрялись, разогнавъ лошадей, проскакивать мимо десятскихъ, то въ 1807 г. было рѣшено устроить на заставахъ рогатки, поднимавшіяся только послѣ того, когда пріѣзжій будетъ обысканъ ⁴⁾).

Таковы были размѣры и расположение Харькова въ первое десятилѣтіе XIX в. Въ слѣдующее десятилѣтіе большихъ успѣховъ въ ростѣ города не замѣтно. По „вѣрному наблюденію“ мѣстнаго начальства, сдѣланному въ 1817 г., въ теченіе нѣсколькихъ предъидущихъ лѣтъ населеніе Харькова увеличилось по крайней мѣрѣ ^{1/30} частью. Насколько вѣрнымъ можно назвать это наблюденіе, судить не беремся. Знаемъ только, что по офиціальному подчету за 8 лѣтъ (съ 1809—1817 г.) населеніе (мужскаго пола) увеличилось на 631 чел., а по вычисленіямъ Каразина даже нѣсколько уменьшилось, новыхъ же домовъ прибавилось всего только 17 ⁵⁾). Отъ 1817 г. мы имѣемъ „планъ губернскаго города Харькова съ

¹⁾ Архивъ Гор. Думы. Подл. приг. 1804 г.

²⁾ Военно-учен. арх. Главн. Штаба. Отд. 9, № 1027.

³⁾ Харьк. Календ. 1886 г. Отд. IX, стр. 87.

⁴⁾ Арх. Гор. Думы. Вход. Думы. 1807 г.

⁵⁾ Военно-учен. арх. Главн. Штаба. Отд. V, шкафъ 37 № 475.

показаніемъ, какъ онъ нынѣ въ натурѣ существуетъ, что въ ономъ остается безъ уничтоженія и что предполагается устроить вновь¹⁾. Планъ составлялся, какъ видно изъ подписи, губернскимъ землемѣромъ Мочульскимъ, а копировалъ его сумской уѣздный землемѣръ Масловъ. Къ сожалѣнію, планъ Мочульского не даетъ возможности сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе о ростѣ города, такъ какъ онъ совершенно игнорируетъ пригородныя слободы, а онъ то именно и могли рости. На планѣ Мочульского обозначены только тѣ части слободъ, которыя были „прикоcновены къ городской чертѣ“. Это даетъ намъ возможность судить о расширѣніи слободъ только въ одну сторону—по направлению къ городской чертѣ. И вотъ мы видимъ, что въ эту именно сторону пригородныя слободы нѣсколько расширяются. Панасовка отдѣляется отъ Чеботарской уже только небольшою площадью, а Довгалевка (Гончаровка) совсѣмъ сливается съ Рождественской (Конторской).

О восточной сторонѣ города, такъ наз. Захарьковской или Немышлянской слободѣ планъ Мочульского не даетъ никакихъ свѣдѣній, но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что и эта часть города, сравнительно съ первыми годами XIX ст., успѣла расшириться и полюднѣть. За Конной площадью было кладбище для Михайловскаго и Вознесенскаго приходовъ. Въ этой же мѣстности были кирпичные заводы и хлѣбные магазины. Сама Конная площадь утратила до нѣкоторой степени свой прежній характеръ. Съ 1816 г. сюда по распоряженію губернатора была переведена конная ярмарка, бывавшая прежде на Михайловской площади. Временное превращеніе въ ярмарочную площадь не мѣшало, впрочемъ, Конной исполнять свое прежнее назначеніе. Она все еще оставалась выгономъ, поросшимъ травою и служившимъ пастищемъ для обыватѣльского скота¹⁾.

Въ самомъ городѣ, сравнительно съ первыми годами XIX в., перемѣнѣ произошло не много. Дмитриевскаго кладбища, ни возлѣ церкви, ни подъ Холодной горой, уже не существовало. Съ 1810 г. оно было перенесено на Лысую гору, гдѣ и теперь²⁾. Не существовало и „обелисковъ“ при вѣзѣ въ городъ. Они обветшали и въ 1813 г. были уничтожены по распоряженію губернатора Бахтина. Ворота здѣсь, впрочемъ, остались; это и была застава³⁾. По нынѣшнимъ Тюремной и Жандармской площадямъ тянулся небольшой валъ и ровъ, остатки старыхъ харьковскихъ укрѣплений. Благодаря этому выѣздѣ изъ города былъ возможенъ не по всѣмъ выходившимъ на западъ улицамъ, а только по Екатеринославской, Рождественской (Конторской) и Большой Панасовской.

Екатеринославская, при вѣзѣ на которую стояла уже каменная Дмитриевская церковь, нѣсколько пообсохла. Мостокъ черезъ озеро еще существовалъ, по прежнему видимъ озера въ кварталѣ между Ярославской и Дмитриевской улицами и на Гончаровкѣ, но протоковъ, соединявшихъ эти три озера, на планѣ Мочульского уже не видно. Благовѣщенская, Рождественская, Коцарская, Чеботарская и Большая Панасовская сохранили тотъ же видъ, какой имѣли и въ началѣ столѣтія. Разница только въ томъ, что на Благовѣщенской появились каменные дома, и въ этомъ отношеніи она даже превзошла Екатеринославскую: на Екатеринославской былъ по прежнему только одинъ частный каменный домъ, а на Благовѣщенской ихъ было цѣлыхъ четыре. На Рождественской больницы приказа общественнаго призрѣнія уже не существовало; она была переведена на Сабурову дачу, а вся усадьба перешла въ собственность города. Здѣсь былъ венерический лазаретъ, переведенный съ Сумской, и „шпиталь“. Благовѣщенская площадь не измѣнилась, но за то мѣстность нынѣшняго большого базара была уже не островомъ, какъ въ началѣ столѣтія, а только полуостровомъ: одинъ изъ рукавовъ Лопани успѣлъ уже обмелѣть въ той своей части, которая прилегала къ Большой Панасовкѣ. Характеръ этой мѣстности остался, впрочемъ, прежній: на планѣ Мочульского здѣсь показана мелкая лѣсная поросль, а надписи на планѣ свидѣтельствуютъ, что здѣсь было болото, болото и еще болото.

Возлѣ Лопанскаго моста рѣка образовывала рядъ острововъ: по правую сторону моста, если идти въ городъ, на плавѣ Мочульского указанъ одинъ островъ, а по лѣвую отъ моста до усадьбы Пашкова—цѣлыхъ семь. За усадьбой Пашкова, ниже монастыря, шло почти сплошное болото. Мѣстность была по прежнему не застроена. Клочковская начиналась только за Бурсацкимъ спускомъ. По правому берегу

¹⁾ Арх. Гор. Думы. Журн. 1839 г. сентября 12.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣдом. 1852 г. № 33.

³⁾ Арх. Гор. Думы. Журн. 1812 и 1816.

Лопани, гдѣ теперь Лопанскій переулокъ и зданіе второй гімназіи, была усадьба помѣщика Хорвата, купленная въ 1819 г. университетомъ.

На базарѣ перемѣнъ почти никакихъ не произошло, если не считать замѣны разрушенной въ 1805 г. „каменной галлереи“ болѣе прочными каменными лавками, выстроеными въ 1814 г. На Народной плошади, иначе называвшейся Лобной, противъ желѣзныхъ рядовъ располагались многочисленные столики мѣняль. Въ центрѣ города перемѣна состояла въ томъ, что недостроенные присутственныя мѣста были наконецъ достроены, и сюда переведены всѣ губернскія учрежденія, а старыя деревянныя зданія проданы на сносъ. Бывшій губернаторскій „дворецъ“ достался университету, но перестроекъ въ немъ еще никакихъ не дѣлалось, такъ какъ самъ университетъ смотрѣлъ на свое пребываніе во „дворцѣ“, какъ на временное.

Въ сѣверной части города разница противъ первыхъ годовъ столѣтія заключалась въ томъ, что стали заводиться поселенія къ сѣверу отъ острога и провіантскаго магазина, на мѣстѣ нынѣшихъ Ко-кошкинскій и Чернышевской улицъ. Шли они, впрочемъ, не далеко; начинались отъ переулка, что по за киркой, и выходили на Мироносицкое кладбище или, иначе, Хлѣбную плошадь. Такъ называло по крайней мѣрѣ эту мѣстность начальство, желавшее эксплоатировать упраздненное кладбище для торговли хлѣбомъ. Университетскій садъ уже былъ заведенъ. Оставленный впустѣ домъ венерической больницы за Мироносицкой церковью пришелъ въ совершенную ветхость и былъ предназначенъ начальствомъ къ упраздненію. Эта въ то время отдаленная окраина города имѣла, впрочемъ, не малое значеніе для мѣстныхъ любителей музыки: здѣсь жилъ единственный въ то время въ Харьковѣ фортепіаній мастеръ Энке, отъ которого въ нѣкоторомъ родѣ зависѣлъ весь харьковскій beau monde. Здѣсь же возникъ въ эти же годы и одинъ изъ первыхъ зародышей харьковской мануфактурной промышленности: въ 1818 г. зміевскому помѣщику графу Девіеру дано разрѣшеніе завести въ Мироносицкомъ приходѣ, въ домѣ казеннаго обывателя Редчева, фабрику для дѣланія изъ россійской шерсти разныхъ суконъ, баекъ, казимировъ, фланелей и пр. Долго ли просуществовала эта фабрика, и много ли она надѣмала суконъ,—не знаемъ¹⁾.

Нынѣшняя Пушкинская была разбита по плану только въ незначительной части, а Черноглазовская, Садово-Куликовская, Садовая, Подгорная, Дѣвичья, Бѣлгородская, не говоря уже о такихъ переулкахъ, какъ Мардвиновскій и Харинскій, оставались въ совершенно первобытномъ видѣ. Въ квартѣ Пушкинской, за чертою городскихъ поселеній, стояла новая Каплуновская церковь съ прилегающими къ ней кладбищемъ. На Московской, Никольской, Кузнечной и Сѣнной (Рыбной) никакихъ перемѣнъ не произошло. Послѣдняя вмѣстѣ съ прилегающими къ ней переулками и на планѣ 1817 г. показана въ первобытномъ, не разрегулированномъ видѣ. На р. Харьковѣ, возлѣ Харьковскаго моста, планѣ 1817 г. отмѣчаетъ рядъ острововъ, не указанныхъ въ планѣ 1802 г. Ниже моста рѣка образовывала большой островъ, возлѣ Барабашевской гребли было два большихъ острова, третій, самый большой, былъ тамъ, гдѣ теперь Подольскій мостъ. Южная, занетечинская часть города по прежнему соединялась съ центромъ греблею, несмотря на всѣ неудобства и даже небезопасность такого способа сообщенія. Въ 1813 г. сорокъ два обывателя подали въ думу прошеніе о замѣнѣ гребли мостомъ, который и сама дума находила нужнымъ для „пожарного случая“, но дальше разговоровъ дѣло не пошло²⁾. Вообще эта часть города была въ забросѣ. Узенькія, извилистыя, страшно неправильныя, крайне бѣдно обставленныя улицы, тянувшіяся на югъ немнога далѣе Ващенковскаго переулка, на востокѣ—далеко не доходившія до Михайловской церкви (Нетечинская была только въ зародышѣ), а на западѣ—до стараго протока р. Харькова,—такова была эта мѣстность въ тѣ годы. Что касается Москалевки, то выросла ли она сколько нибудь сравнительно съ 1809 г., когда мы имѣли первыя свѣдѣнія о ней,—сказать не можемъ, ибо на планѣ 1817 г. тамъ, гдѣ полагалось бы быть Москалевкѣ, показано пустое мѣсто.

Что представлялъ собою Харьковъ въ двадцатыхъ годахъ,—объ этомъ даетъ намъ понятіе планъ Харькова, Высочайше утвержденный 23 марта 1822 г., а затѣмъ рядъ указаний, встрѣчающихся въ документахъ того времени. Къ сожалѣнію, планъ 1822 г. имѣть въ виду только городъ, совершенно игнорируя слободы за Харьковомъ и за Лопанью. А между тѣмъ въ дѣйствительности эти слободы перестали

¹⁾ Арх. Гор. Думы. Журн. 1818 г.

²⁾ Тамъ-же. Журн. 1813 г.

уже быть чѣмъ то отдельнымъ отъ города. Житель Захарьковской слободы или Панасовки подчинялся тѣмъ же органамъ власти, пользовался тѣми же „городскими правами“, что и житель центра. Разница между городомъ и слободами заключалась въ томъ, что въ городѣ жили большею частью „люди средняго рода“, а въ слободахъ—крестьяне. И въ топографическомъ смыслѣ городъ и слободы составляли единое цѣлое. Панасовка, прежде отдельявшаяся отъ города довольно обширнымъ пустыремъ, теперь сливается съ городомъ и становится какъ бы прямымъ продолженiemъ Чеботарской улицы. Довгалевка сливается съ Рождественской. Прежній хуторъ Пески превращается въ Песковскую (Клочковскую) улицу. Ивановка по прежнему остается отдельнымъ поселенiemъ. Въ восточной части города Захарьковская слобода и прежде могла считаться отдельнымъ поселенiemъ только по недоразумѣнію. А между тѣмъ планъ 1822 г. совершенно игнорируетъ и Панасовку, и Гончаровку, и Захарьковскую слободу съ Заиковкой, и это обстоятельство лишаетъ насъ точныхъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько успѣхъ расшириться городъ въ его западной и восточной частяхъ. Можно думать, что благодаря переносу на Конную площадь конной ярмарки, эта часть города заселилась гуще, чѣмъ прежде. Что касается южной и сѣверной частей города, то о послѣдовавшихъ здѣсь измѣненіяхъ можно составить по плану очень опредѣленное мнѣніе. Изъ плана видно, что въ занетечинской части города область поселеній отодвинулась къ югу. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ расширение этой части къ востоку и западу. Къ западу заселяется вся мѣстность до начала нынѣшней Марьинской улицы, что на Москалевкѣ, къ востоку—появляется цѣлая новая улица, Нетечинская, соединяющая Воскресенскій приходъ съ Михайловскимъ. Сѣверная часть города значительно разрослась. Съ лѣвой стороны Сумской находимъ уже вполнѣ благоустроенный университетскій садъ: въ нижней его части, какъ и теперь, былъ батаническій садъ, а верхняя была открыта для гулянья публики ¹⁾). Нѣмецкая доходила уже до Каплуновской церкви, при которой было обширное кладбище. Каплуновская церковь стояла уже на концѣ города. Кварталъ между Нѣмецкой и Сумскою улицами также обозначенъ на планѣ какъ заселенный. Въ дѣйствительности этого, повидимому, не было. Изъ одного журнала городской думы за 1827 г. видно напр., что „улица отъ хлѣбнаго магазина вверхъ“ была только въ проектѣ. Мѣстность эта была занята кладбищемъ иностранцевъ, которыхъ и продолжали здѣсь хоронить по старому, несмотря на то, что кладбище было предназначено подъ улицу ²⁾). Клочковская тоже уже, какъ мы упомянули, существовала. Поселенія здѣсь шли, впрочемъ, только до нижней части университетскаго сада, а далѣе тянулась только дорога по пустыннымъ пескамъ къ Ивановкѣ.

Таковыя были виѣшнія очертанія города. Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли внутри его. Начнемъ по прежнему съ западной части. Холодная гора оставалась по прежнему не заселенной. Здѣсь, на землѣ, принадлежавшей харьковскимъ войсковымъ обывателямъ, было еврейское кладбище, существовавшее, впрочемъ, уже издавна ³⁾). Подъ горой помѣщался базаръ, обслуживавшій районъ Панасовки и Гончаровки ⁴⁾). Впрочемъ утвердиться здѣсь прочно базару не удалось по независящимъ, такъ сказать, обстоятельствамъ. Пустырь передъ городомъ, гдѣ въ старые годы было Дмитріевское кладбище, превратился въ площадь—Арестантскую. Здѣсь на планѣ 1822 г. намѣченъ къ постройкѣ острогъ, который въ двадцатыхъ годахъ и былъ здѣсь выстроенъ. Южная часть пустыря тоже называлась площадью—Жандармской, потому что здѣсь, на мѣстѣ нынѣшней таможни, были въ то время жандармскія конюшни ⁵⁾). Екатеринославская не измѣнила своей физіономіи, и разница между тѣмъ, чѣмъ она была и чѣмъ стала, заключалась, только въ томъ, что она пообстроилась. Улицы Шевская, Дмитріевская и Ярославская въ 1821 г. были только что выпланированы. На Благовѣщенской, гдѣ теперь Александровская больница, помѣщался дѣвичій институтъ, устроенный Обществомъ благотворенія. На Рождественской, въ домахъ, гдѣ нѣкогда была больница приказа общественнаго призрѣнія, помѣщались классы военно-сиротскаго отдѣленія. Классы, впрочемъ, не имѣли прочной осѣдлости. Въ началѣ ихъ возникновенія (1813 г.) для нихъ была отведена бывшая больница, затѣмъ ихъ перевели въ городской Мордвиновскій домъ (на Рымарской) и въ дома Министра и Щелкова. Планъ 1822 г. застаетъ часть клас-

¹⁾ Военно-учен. архивъ Главн. Штаба, отд. V. наказъ 73, № 475.

²⁾ Арх. Гор. Думы. Журн. 1827 г. марта 3.

³⁾ Тамъ же Журн. 1826 г.

⁴⁾ Тамъ же Журналы 1824 г.

⁵⁾ Арх. Гор. Думы Журн. 1821 г.